

НЕХРУСТАЛЬНАЯ
ГУФЕЛЬКА

ТЭФФИ
НОТТ

МОСКВА

НЕХРУСТАЛЬНАЯ
ТУФЕЛЬКА

ТЭФФИ
НОТТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н85

Редактор серии *А. Осминина*
Оформление серии *Е. Петровой*
Иллюстрация на обложке *Таисии Шарабьевой*

Нотт, Тэффи.

Н85 Нехрустальная туфелька : [роман] / Тэффи
Нотт. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-204879-1

После прошлогоднего потрясения в заброшенном особняке Надежда Огонь-Догоновская уехала к отцу, в дальние края империи. Но как бы ни хотелось генералу оставить дочь у себя, Надежде не терпится вернуться к работе и приключениям. Так что, получив письмо от подруги с приглашением на свадьбу, она без промедления отправляется в Пруссию. Кто мог знать, что в купе она сразу же столкнется со старым знакомым, никем иным как ссыльным магом из столицы, Андреем Голицыным? Однако, приехав к счастливой невесте, Надя с Андреем узнают, что та пропала прямо накануне свадьбы — осталась лишь одна хрустальная туфелька. Куда исчезла подруга? Сбежала сама, испугавшись новой жизни? Ее похитили? Или же она стала пешкой в чьем-то хитром плане?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-204879-1

© Нотт Т., 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Пролог

Платье было дорогим. Бабушка сказала бы, что на мельницу хватит. Настолько дорогим, что раньше они не могли бы позволить себе оплатить даже рукава. А сейчас Катарина стояла у большого зеркала в прихожей и рассматривала себя в блеске электрических огней. Проводила пальцами по вышитым цветам на кремовом атласе. Кажется, она уже выучила этот узор наизусть за прошедшие пару дней, но все равно не могла удержаться от того, чтобы снова не коснуться фактурных нитей.

Но ее платье не было и вполовину так прекрасно, как платье сводной сестры. Красавица-сестрица была бы хороша в чем угодно, даже если бы на нее надели наряд мальчишки-тру-

бочиста. Но отец, конечно, не поскупился на платье для родной дочери. Лавандовый атлас, кружева, золотые нити...

Катарина сжала пальцы в кулаки в бессильной злобе. Понимала, что ее зависть бессмысленна и глупа, но ничего поделать не могла. Черное чувство разъедало изнутри, заставляя сердце биться чаще, разгоняя кровь по жилам. Почему она, а не я? Почему?

— Франц, — голос матери обеспокоенно дрожал, — мы уже опаздываем...

— Зови горничную, пусть поторопит Софи, — мужчина строго взглянул на супругу, — а я проверю, готов ли экипаж.

— Я пойду! — неожиданно для самой себя вызвалась Катарина. Смутившись собственного порыва, пояснила: — Горничную пока дозовешься, а я туда и обратно, матушка.

Женщина колебалась недолго, кивнула:

— Аккуратно с платьем, милая.

Едва матушка и сестра скрылись из виду, Катарина, приподняв юбки, побежала. Злость и зависть толкали ее в спину, сбивая размеренный шаг.

Она не понимала. Это был праздник Софи. Едва ли не самый важный в жизни. Ради нее со всех уголков мира съехалось столько знатных людей: принцы, герцоги, графы. Ради Катарины бы никто не приехал. Ей сшили самые

лучшие платья! А она опаздывает! Неужели так сложно быть вежливой?

Двери в покои Софи были приоткрыты, и свет там не горел. Катарина застыла, нахмурившись.

Она схватилась за ручку двери, и сердце застучало как строевой барабан перед атакой: та-да-да-да, та-да-да-да. Ручка была ледяной, хотя в доме было тепло. Девушка смело распахнула дверь, лицо обжег холод.

В гостиной было пусто. Все окна в доме были нараспашку, на дворе стоял удивительно душный конец июля. Но не в этой комнате. Два кресла, софа, кофейный столик, высокое зеркало, даже оконные рамы — все было покрыто морозной пылью инея.

Катарина жадно втянула воздух, он тут же обжег легкие. И вдруг увидела ее. Влекомая любопытством, но дрожа от страха, девушка шагнула вперед.

На ковре перед высоким зеркалом стояла туфелька. Новенькая, в тон лавандовому платью, с золотым шитьем, хорошеньким бантиком и уродливым, совершенно неуместным кровавым пятном.

Комната поплыла. Катарина схватилась за спинку кресла, чтобы устоять. Казалось, сердце вот-вот разорвется от ужаса, надо было что-то делать, что-то предпринять... Катарина вдохнула и закричала.

Глава 1

Надя с удобством расположилась в купе первого класса. Теплый свет от лампы разгонял сумрак позднего летнего вечера. В это время в столице никогда не становилось по-настоящему темно: небо всю ночь светлое, словно в сумерках, иногда подернутое рваными облаками. И все равно с лампой было куда приятнее.

Девушка уселась на мягком диванчике, поставила рядом саквояж со всем необходимым, с облегчением вытянула ноги. За прошедшую неделю ей пришлось изрядно побегать.

Зиму и всю немилосердно холодную в дальних краях империи весну Надя просидела у отца. Это Рождество вышло преинтересное, но и пугающее. Выполняя пустяковое задание в глухой деревне, вместе с неожиданным напарником — ссыльным магом из столицы — Надя попала в поместье своего дяди по

линии матери, о котором ее заставили позабыть. Приключений тех трех дней хватило бы и на всю жизнь: погруженное в сон двадцать лет назад поместье, два загадочных убийства, заговоры. И все это, как оказалось, устроила ее родная мать, чтобы завладеть могущественным артефактом, наделяющим его владельца способностью путешествовать во времени. «Феникс» (так назывался живой артефакт, который дядя вселил в свой дом) изобрел дядя Владимир, а наследницей сделал не двоюродную сестру, как на то надеялась мать Нади, а племянницу.

Услыхав, что произошло (не без помощи дяди Владимира), генерал Огонь-Догоновский забрал единственную дочь к себе. Подальше от службы и треволнений, лечить нервы, хорошо питаться и радовать старика. Сначала потрясенная Надя не возражала. Редкие их с отцом письма никак не заменяли теплого, живого общения. Так что капитан-дознаватель только обрадовалась возможности провести время с папенькой. Первые пару месяцев она вообще помнила смутно. Быть может, потому, что ничем толком не занималась и один день был похож на другой. А быть может, из-за порошков, что ей прописал лекарь для лучшего сна.

Минул январь, за ним февраль, деятельная натура полицейского очнулась ото сна.

И хотя она не уволилась, а просто взяла бессрочный отпуск, Надя подозревала, что отец до последнего будет настаивать на том, чтобы дочь не возвращалась на службу. Ее догадка оказалась верна. Стоило ей об этом заговорить, как она наткнулась на активнейшее сопротивление. Папа так кричал, сулил такие кары небесные, то ли самой Наде, то ли ее начальству, то ли дражайшей бывшей супруге, что Надя испугалась, что его хватит удар, и тема была закрыта. Отец думал, что навсегда, но Надя лишь затаилась, выжидая удобного момента.

Всю неприятно холодную весну Надя провела в качестве хозяйки генеральского дома. Устраивала приемы для местного благородного общества, сопровождала отца, не раз бывала на учениях. Примерить на себя ту роль, от которой она так упорно бежала всю жизнь, было интересно... Но изнурительно. В блеске электрических ламп, под сопровождение оркестра Надя украдкой рассматривала себя в отражении блестящей поверхности блюда и думала об одном: она была права. Не для нее была такая жизнь.

Грубое сукно полицейского кителя было барышне куда больше по душе, нежели муслин и атлас.

К тому же за ней нет-нет да и пытался придумать кто-то из офицеров, не испугавшись, что Надежда Ивановна — дочь генерала. Это ужасно утомляло. Однако Надя сама не подпускала никого ближе чем на один котильон.

То и дело в чужих вежливых улыбках и взглядах ей мерещились совсем другие люди. То теплые глаза Баума, то серые со стальным отливом Голицына. И если о первом Надя старалась не думать, то образ Андрея то и дело возникал в мыслях. Где он сейчас? Вернулся в сыскное? Отбыл наказание и уехал обратно в столицу? Или, может, как она, отправился домой? Надя так и не решилась написать Андрею. Сам он тоже не прислал даже маленькой весточки.

В конце весны Надя поймала себя на мысли, что с жадностью проглатывает «Столичные ведомости» от первой до последней страницы. Каждая новость, даже самая пустяковая, воспринималась ею с пристальным вниманием.

— Хоть бы уже какое-нибудь происшествие, — вздыхала Надя в часы особенно утомительные.

— Надя! — строго восклицал отец.

— Что? — Барышня пожимала плечами. — Для разнообразия.

Не спасала даже небольшая уступка отца. По пятничным вечерам он разрешал брать

свой револьвер и стрелять на заднем дворе по бутылкам. Грохот стоял страшный, но зато Наденька после подобных экзерсисов была в чуть лучшем настроении.

И вот в начале лета пришло ее спасение: письмо, которое едва не затерялось из-за ее поспешного переезда. Изрядно измятое, но все же дошедшее до адресата. Надя зацепилась за удачно подвернувшуюся возможность, поспешно собрала вещи и отчалила в европейскую сторону империи, пообещав отцу писать так часто, как сможет.

Путь в столицу ей пока был заказан. Там по-прежнему властвовала Юлия Федоровна, от которой с той злополучной зимы не было ни слуху, ни духу. Лишь одно письмо пришло, где она справлялась о самочувствии дочери. Надя скрепя сердце ответила короткой отпиской, что-де все благополучно, не извольте беспокоиться. Но встречаться с матушкой лицом к лицу желания у нее никакого не было. Поэтому выбор пал на торговую столицу империи — Москву, первая остановка в ее длительном и дай бог приятном путешествии.

Хотя она уже опаздывала, здесь пришлось задержаться еще на неделю. Весь ее гардероб не подходил для предстоящего события, поэтому пришлось в спешке втридорога заказывать новые наряды. Благо папенька на капризы

дочери не скупился. А нарядов у московских модниц, стремящихся перещеголять столичных, было в достатке.

И вот наконец Надя в поезде до Берлина, едет как можно дальше от матери, от отца, от столицы и даже от внезапно свалившегося на нее счастья в виде наследства.

Но приятные мысли были весьма бесцеремонно прерваны коротким стуком в дверь. Надя подобралась, ожидая практически чего угодно — и разгневанной матушки в дверях, и проводника, кого угодно, кто мог бы помешать ее поездке. Она встала, решила сама открыть дверь. Но она точно не ожидала, что на ее пороге окажется гостя. Серое, с аккуратной отделкой платье для путешествий, высокий воротничок, острый подбородок, виноватая улыбка.

— Прошу прощения, — гостя заговорила по-немецки, но грассировала на французский манер, — не могли бы вы мне помочь в одном деликатном деле?

Барышня поправила выпавший из прически светлый локон и снова виновато улыбнулась. На вид ей было немного за тридцать, у уголков глаз при улыбке уже начали собираться морщинки. Гладкая кожа цвета слоновой кости, длинные пальцы, но без обручального кольца. Интересно.

— Что случилось?

— Простите... — барышня замялась. — Могу я зайти? Не хотелось бы обсуждать это в коридоре.

— Да, конечно, входите.

Надя отступила, пропуская гостью внутрь. Девушка аккуратно прикрыла за собой дверь и быстро заговорила:

— Простите еще раз. Меня зовут Алира Краузе. — Хозяйка купе представилась в ответ. — Мы с сестрами возвращаемся домой... Впрочем, неважно. Я заметила, что вы едете без служанки? Видите ли, моей сестре срочно нужны швейные инструменты, а свои мы, кажется, потеряли. Наверняка у вас есть иголка и нитка?

— Ой! — Надя, не ожидавшая, что беда в такой мелочи, даже немного растерялась. — Ну конечно. Платье порвалось?

— Почти, — улыбнулась Алира так, что Надя сразу поняла, что речь о более деликатной части гардероба. Без промедлений Надя нырнула в свой походный саквояж, доставая оттуда небольшую шкатулочку для подобных казусов, там у нее лежал целый набор крючков, ниток, иголок. В Смольном им частенько приходилось зашивать части одежды самим, да и классные дамы приучали своих воспитанниц